

Иностранцы на российской военно-морской службе в Петербурге в конце XVIII—начале XIX в.

«Несмотря на многонациональность населения Петербурга, этнические аспекты его истории выпали из круга внимания отечественной науки», — таков, по мнению Н.В. Юхнёвой, был неутешительный результат развития советской историографии этой проблемы по состоянию на 1988 г.¹ Именно тогда было четко сформулировано, что «особой темой является положение в Петербурге иностранных подданных»². Хотя в последующие годы данная проблематика постоянно находилась в поле зрения исследователей, существенных прорывов в ее изучении пока не случилось. Это особенно заметно для истории первых полутора столетий существования Петербурга, когда значительная часть его иноэтничных жителей происходила из-за границ Российской империи. Ничего близкого хотя бы к монографии В.А. Ковригиной о Немецкой слободе в Москве все еще не появилось³.

По нашему мнению, применительно к XVIII—началу XIX в. одной из главных причин такого положения дел является состояние источниковой базы. В Московском государстве «ведение» всеми иностранцами осуществлял Посольский приказ, и основной комплекс документов об их жизни и деятельности хранится ныне в фондах этого учреждения, находящихся в Российском Государственном архиве древних актов⁴. В императорский период российской истории подобной практики не было, поэтому уже выявление источников по данной теме представляет собой самостоятельную задачу. Следует заметить, что зарубежные авторы специальных работ об иностранцах в Петербурге, как правило, мало используют российские архивы⁵. Это относится даже к наиболее обширной немецкой историографии темы⁶. В качестве примера можно назвать классический труд Э. Амбургера о своем роде, жившем в нашем городе на протяжении ста пятидесяти лет⁷.

Итоги и тенденции отечественных исследований о «петербургских иноземцах» XVIII в. отражены в монографии Л.Н. Семеновой, единственной обобщающей работе, где была предпринята попытка ответить на вопрос: «Какую роль в действительности играли иностранцы в истории Петербурга на протяжении XVIII столетия?»⁸ Автор изучила деятельность зарубежных промышленников-предпринимателей, мастеров-ремесленников, в том числе пленных шведов в годы Северной войны. Из соответствующих разделов книги видно, что в нашей историографии уделялось внимание иностранцам, оставившим след в области науки и искусства (Академия наук, Академия художеств, архитектура и градостроительство), но сведения об иностранных специалистах на военно-морской службе и в государственных административных учреждениях даны в монографии Л.Н. Семеновой на основании мемуарных источников и отдельных упоминаний в опубликованных документах, так как специальных исследований на эту тему нет.

Указанные приоритеты (наука, искусство, ремесла) сохранились и в появившихся за последние годы статьях об иноземцах в столице Российской империи⁹. Как правило, они посвящены специалистам одной национальности и только в определенной области: немецкие булочники, шведские ювелиры, французские архитекторы. Нередко исследования чересчур обзорны: берется довольно большой хронологический отрезок, отсутствуют точные сведения о численности рассматриваемой группы, ее положении относительно представителей других национальностей в данном роде деятельности и внутри своей общины в Петербурге. Очевидно, что изменить сложившуюся историографическую ситуацию можно только с введением в оборот новых источников¹⁰.

Однако этот процесс далеко не прост, особенно для начального периода истории города. Так, В.Н. Захаров, изучая деятельность западноевропейского купечества в России петровского времени, должен был констатировать: «Но подробными данными о торговле иноземцев в Петербурге мы почти не располагаем. Не сохранилась документация Петербургской таможни с регистрацией отдельных сделок, аналогичная архангельским выписям...»¹¹ О.Г. Агеева, характеризуя «городской социум» Северной столицы первой четверти XVIII в., даже сочла возможным вовсе отказаться от отдельного изучения иностранцев, видимо, не в последнюю очередь из-за отсутствия столь же надежных сводных данных об их численности и расселении, как о русских «жителях Санкт-Петербурга»¹². Между тем приведенные Е.В. Анисимовым сведения о комплекто-

вании иностранными специалистами петровских коллегий демонстрируют возможности исследования этой проблемы¹³.

Вопрос о выявлении иноземцев, живших, трудившихся и служивших в Петербурге конца XVIII — начала XIX в., тоже не получил пока удовлетворительного решения. Специалисты придерживаются противоположных точек зрения даже в оценке достоверности официального учета иностранных подданных в столице Российской империи. Так, Н.А. Ерофеев считал, что статистика присяжавших и тем более проживавших в Петербурге начала XIX в. англичан была весьма приблизительна; по мнению же Т.А. Шрадер, «правила регистрации и пребывания иностранцев в Петербурге позволили вести точный их учет»¹⁴. Поэтому важное значение приобретают любые источники надежной информации по данному вопросу. Таковыми являются, например, материалы иностранных дипломатических представительств, занимавшихся делами своих соотечественников в России, и прежде всего в столице¹⁵. Но в поле зрения посольств попадали отнюдь не все выходцы из соответствующей страны. Гораздо более полные данные появлялись в результате пристального интереса властей к какой-либо национальной группе, обусловленного соображениями текущей внешней и внутренней политики.

В конце XVIII в., по вполне понятным причинам, объектом такого внимания становились прежде всего уроженцы Франции. В историографии уже имеется опыт изучения списков проживавших в империи французских граждан, которые были составлены для приведения их к присяге на верность легитимизму после разрыва в 1793 г. Петербургом отношений с революционным Парижем¹⁶. Проводился и предварительный анализ социальной структуры эмигрантов-роялистов 1790-х годов, основанный на официальных данных сходного характера¹⁷. Известны также списки англичан на русской военно-морской службе, составленные в годы военной конфронтации с Великобританией (1800–1801 и 1807–1812 гг.) для временного удаления их из кадров флота как потенциально неблагонадежных¹⁸. Однако наиболее значительный комплекс источников такого рода отложился в результате практической реализации высочайшего указа от 29 июня 1812 г. «относительно разбора иностранцев»¹⁹. Император повелел тогда проверить благонадежность «всех вообще» находившихся в России иностранцев, подозрительных — выслать из страны, а тех, чей отъезд по каким-либо соображениям нежелателен, — сослать. В ходе этой кампании и

были составлены подробные списки иноземцев всех национальностей, проживавших в империи.

Первым на эти источники обратил внимание К.А. Воепский, опубликовавший в год столетнего юбилея Отечественной войны 1812 г. списки иностранцев, служивших по Министерству народного просвещения, и некоторые документы, освещавшие процесс их составления в этом ведомстве²⁰. Историк планировал издать такие же материалы по другим министерствам в последнем, десятом томе своей фундаментальной публикации источников, однако он не вышел в свет²¹. С тех пор исследователи несколько раз обнаруживали и использовали документы, отложившиеся в фондах различных учреждений во время «разбора иностранцев» 1812 г., не задаваясь специально вопросом об их происхождении²². Единственным исключением стали работы Д.Н. Кошелева, который кратко рассмотрел процесс реализации вышеупомянутого императорского повеления и произвел общий подсчет иноземцев по национальностям в морском ведомстве²³. Однако документы по этой теме в фондах Российского Государственного архива Военно-морского флота требуют более углубленного изучения, к тому же исследователь считал, что «разбор иностранцев» происходил только в военно-морских силах.

Таким образом, можно заключить, что важнейший комплекс источников об иноземцах в России начала XIX в. остался почти не введенным в научный оборот. Без сомнения, прежде всего следовало бы выяснить причины и поводы необычного правительственного мероприятия, но это является отдельной исследовательской задачей, поскольку «осторожность Александра I и пристрастие его к тайным действиям были таковы, что он вершил государственные дела, по большей части не доверяя ничему бумаге. Из-за этого обстоятельства становится очень трудным дать характеристику его политическому курсу и подтвердить ее документально»²⁴. Известно, что итоговые списки иностранцев, составлявшиеся во время «разбора» 1812 г., поступали в Особенную канцелярию Министерства полиции и сейчас находятся в соответствующем фонде Государственного архива Российской Федерации²⁵. Однако документы, отложившиеся в делопроизводстве различных ведомств, не менее интересны, так как отражают скрытую «кухню» этого дела.

5 июля 1812 г. министр военных морских сил И.И. де Траверсе получил отношение главнокомандующего в столице и исполняющего обязанности министра полиции С.К. Вязмитинова с изложе-

нием высочайшего повеления от 29 июня о «разборе иностранцев»²⁶. На следующий же день он переслал копию этого отношения в Государственную Адмиралтейскую коллегию, распорядившись «приказать со всевозможною поспешностию сделать таковой разбор иностранцам по ведомству Морского департамента при разных должностях состоящим, и доставить ко мне списки об них по приложенной форме»²⁷. Согласно указанной форме, о каждом иноземце надлежало сообщить: имя и фамилию вместе с «семейным положением»; национальность; «какого состояния»; «имеет ли здесь собственный дом»; год приезда в Россию. Затем следовал весьма щекотливый пункт: «Приемлет ли за него начальник на себя ответственность?». В случае отрицательного ответа на этот вопрос надо было решать судьбу человека, назначив его «к выезду за границу» или «к отправлению в другие губернии»²⁸.

Коллегия уже 6–8 июля без промедления разослала соответствующие указы и предложения во все структурные подразделения морского ведомства²⁹. Сбор сведений, как водится, затянулся на несколько месяцев и сопровождался многими коллизиями, связанными, в частности, с «неразработанностью понятия “иностранец” и, соответственно, автоматическим отнесением к ним лиц с нерусской фамилией»³⁰. Позднее документы по этому вопросу были объединены Канцелярией Государственной Адмиралтейской коллегии в «Дело о учинении разбора о всех вообще иностранцах, по ведомству морскому служащих» 1812 г.³¹ Его мы и использовали для выявления тех состоявших на российской военно-морской службе иноземцев, что проживали в Петербурге и Кронштадте. Учитывались только лица, родившиеся за рубежом и прибывшие в Россию в зрелом возрасте.

Таковых оказалось 40 человек, не считая самого морского министра И.И. де Траверсе³²: 22 англичанина, 9 французов, двое подданных австрийского императора и двое — короля Швеции, по одному датчанину, неаполитанцу, голландцу, баварцу и саксонцу. Лишь приблизительно четверть составляли собственно офицеры корабельного флота, служившие в Кронштадте. Среди этих одиннадцати человек находим датчанина лейтенанта Фредерика Неспойцера и неаполитанца капитан-лейтенанта Карло Капачио, остальные же — англичане³³. Кстати, последние совсем недавно прибыли к месту своей службы, так как высочайшее повеление о возвращении их к должностям из ссылки, начавшейся вскоре после Тильзитского мира 1807 г., состоялось только в середине марта 1812 г.³⁴ Любопытно, что по не известной пока причине в спис-

ках среди британцев нет адмирала В.Е. Тета, назначенного в Кронштадт командующим Балтийским корабельным флотом³⁵.

Если расположить фамилии этих морских офицеров по времени их вступления в российскую службу, то ясно видно, что «одногодки» «происходили чинами» почти одинаково. Уильям Роз, Тостон Мур, Джеймс Дон и Джон Монк поступили на русский флот в 1783 г. в числе 26 англичан, принятых, согласно высочайшему указу, лейтенантами и мичманами³⁶. В 1812 г. все четверо были капитан-командорами и командирами корабельных экипажей. Роберт Бортуиг, Иван Бутлер, Томас Капдлер, Карло Капачио стали российскими офицерами во время войны со Швецией 1788–1790 гг. и спустя двадцать лет имели капитан-лейтенантские чины. Генри Гогарт и Сэмюэл Мофет, поступившие на службу в 1793 и 1794 гг. соответственно, были лейтенантами. Только Фредерик Неспейцер несколько выбивается из этого ряда, поскольку с 1790 г. так и не выслужился выше лейтенанта. Показательно, что никто из этих офицеров не обзавелся недвижимой собственностью, а женаты были только Т. Мур и Дж. Дон.

Девять служивших по морскому ведомству «петербургских иноземцев» состояли при Морском корпусе. Среди них был один из трех именованных в списке иностранцев генеральского чина — действительный камергер француз Иван Степанович Лаваль, инспектор над классами Корпуса, а одновременно церемониймейстер императорского двора и член «учрежденного при Министерстве полиции Комитета о рассмотрении состояния приказов общественного призрения и их заведений»³⁷. Затем следует назвать пятерых преподавателей Корпуса. Учитель танцев Леопольд Дерассье приехал в Россию еще в 1777 г., имел «дочь от первого брака Санту католического исповедания», а в 1812 г. уже был «женат на российской подданной Марии Ивановне Молодецкой»³⁸. Он числился как «римский подданный», то есть подданный австрийского императора, но определенной национальной принадлежности его не было выявлено, что в XVIII в. было неудивительно для людей «свободных профессий». То же можно сказать и о «неаполитанском подданном Королевства Обеих Сицилий» Иване Триполи, учителе французского языка, происходившем из «адвокатских детей» и обосновавшемся в Петербурге в 1802 г.³⁹

Трое других учителей были «французской нации». Преподававший фехтование Петр Иванович Фурнье, скорее всего, принадлежал на родине к третьему сословию, так как записался в Петербургской Цеховой управе, войдя таким образом в число

ремесленников города⁴⁰. В отличие от него тридцатидевятилетний Петр Д'Юэс (Дюез), обучавший кадетов французскому языку, был дворянином «из военнослужащих»⁴¹. Учитель же плавания Жан Батист (Иван) Кобри являлся весьма неординарной личностью. В 1804 г. он был подобран шлюпом «Нева» на Маркизских островах в Тихом океане, где жил среди туземцев, затем попал на Камчатку, а оттуда в Петербург. Тем не менее Кобри — единственный среди преподавателей Корпуса имел собственный деревянный дом, хотя и в Кронштадте⁴².

Еще три находившихся при Корпусе иностранца являлись вольнонаемными или, как тогда говорили, «служащими по обязательству». Они занимали различные хозяйственные должности. Приехавший в Россию в 1796 г. голландский «купеческий приказчик» Абрам Бругенкет и прибывший в 1804 г. из Баварии отставной артиллерийский квартирмейстер Филипп Скюз к 1812 г. не обзавелись ни семьями, ни недвижимостью⁴³. Зато «саксонскому подданному из купеческих детей» Ивану Руммелю, счастливо сочетавшемуся браком с «российской подданной» Ульяной Карловной Гакер, супруга принесла не только дочь Фридерiku, но и «в Петербурге деревянный дом»⁴⁴.

Следующей по численности группой служивших в морском ведомстве петербургских иностранцев были медики. Из шестерых врачей только один не являлся «великобританским подданным» — уроженец шведской Померании, штаб-лекарь коллежский асессор Иоганн Стрензель, обремененный семейством из семи дочерей⁴⁵. Дольше всех, с 1790 г., провел на русской службе «английской нации г. Лондона» Федор Иванович Бергсторф, штаб-лекарь в Петербургском Адмиралтействе⁴⁶. Штаб-лекари Вильгельм Комри и находившийся «в действительной службе при Адмиралтейских Ижорских заводах» Ричард Егорович Одли прибыли в Россию в 1803 и 1805 гг. соответственно⁴⁷. Лекарь столичного госпиталя Андрей Андреевич Гиббс с женой и двумя малолетними сыновьями обосновался в Петербурге в 1807 г., как раз перед разрывом отношений с Англией в результате Гильзитского мира⁴⁸. Наконец, «флота генерал-штаб-доктор и лейб-медик» Яков Лейтон поступил на службу в 1803 г. Это был второй находившийся в Петербурге иностранец в генеральском чине по морскому ведомству⁴⁹. Я. Лейтон возглавлял Медицинскую экспедицию Министерства военных морских сил, руководя, таким образом, всей врачебной частью на флоте⁵⁰. Звание же лейб-медика в данном случае не следует воспринимать как обозначение принадлежности к придворному шта-

ту. «Постепенно эти звания стали присваиваться также лицам, не имеющим непосредственного отношения к медицинскому обслуживанию императорской семьи, но занимающим высокие должности в медицинской администрации военного, военно-морского и других ведомств»⁵¹.

Британцы решительно преобладали не только среди флотских медиков, но и среди гражданских технических специалистов. Из шести «каменных дел мастеров» подданным Соединенного Королевства не был опять-таки лишь «шведский уроженец» Вицентий Карлони, архитектор Экспедиции Санкт-Петербургских адмиралтейских строений, который поступил на российскую службу в 1789 г., в разгар русско-шведской войны⁵². Отметим, что более всего владельцев недвижимости оказалось именно среди этих «весьма характерных для британского общества фигур... квалифицированного мастера или специалиста»⁵³. Так, работавший с 1784 г. в Кронштадте Адам Шанд приобрел там еще в 1800 г. даже два деревянных дома⁵⁴. «Английский каменных дел мастер при Главном гребном порте Санкт-Петербурга» Владимир Ирвин имел «деревянный дом в Васильевской части в Галерной гавани, № 5»⁵⁵. Братья Петр и Иван Вардены, обосновавшиеся в России друг за другом в 1784 и 1787 гг., недвижимостью не обладали⁵⁶. Приехавший в 1794 г. Даниил Макли более всех иноземных строителей преуспел в карьере, достигнув к 1812 г. майорского чина VIII класса в должности «смотрителя при строении бильных амбаров» или, по современному, прораба⁵⁷. Наконец, целый британский семейный клан Вильсонов, прибывших в Россию в 1784 г., работал на Адмиралтейских Ижорских заводах⁵⁸. Александр являлся директором, его отец Яков был помощником директора, брат Лев — смотрителем литейного завода. Кроме того, еще два брата, Иван и Яков, в 1812 г. находились «не в службе», а сестра Христина «в замужестве»⁵⁹. Эта семья, оставившая заметный след в истории одного из крупнейших машиностроительных предприятий Петербурга, достойна отдельного изучения.

Последним из служивших «в адмиралтейской зависимости», пребывавших в столице и попавших в списки 1812 г. англичан был корабельный мастер Василий Стоке, поступивший на русскую службу в 1806 г.⁶⁰ В 1820–1830-х годах он станет одним из ведущих российских судостроителей, пока же В. Стоке в капитанском чине IX класса состоял по Исполнительной экспедиции Адмиралтейств-коллегии, ведавшей, среди прочего, постройкой и ремонтом судов⁶¹. Вместе с ним в том же чине, но в должности смотрите-

ля над работами «находился при разных поручениях у генерал-интенданта в Исполнительной экспедиции» граф Стефан Мастеин. Именно этому бывшему аристократу, приехавшему в Россию в 1797 г., принадлежит полное горькой самоиронии определение своей национальности: «Прежде (до. — К.К.) французской революции был француз»⁶². О его тоже титулованном соотечественнике шевалье де ля Кудре в списках ничего определенного не сообщается, так как он был принят на службу полковником и по высочайшему повелению определен почетным членом Адмиралтейского департамента только 10 июля 1812 г.⁶³

Третьим генералом морского ведомства из иностранцев в Петербурге 1812 г. был «директор кораблестроений по Исполнительной экспедиции» и одновременно директор Училища корабельной архитектуры генерал-майор Яков Ле Брюн Сен-Катерин. Этот известный судостроитель перешел на русскую службу вместе со своим братом Франсуа Ле Брюн Сен-Ипполитом в 1799 г. Вопросом об их приглашении из Турции, где братья работали с 1792 г., после эмиграции из революционной Франции, занимался в Петербурге лично император и генерал-адмирал Павел I⁶⁴. Оба брата сделали неплохую карьеру: Франсуа к 1812 г. был полковником и состоял в должности советника Главной Контрольной экспедиции при Адмиралтейств-коллегии. Очень лобопытно, как в формулировках ответов на вопросы «анкеты» проявлялись личные качества каждого. Если генерал-майор Яков Сен-Катерин, к тому времени уже овдовевший, скромно указал, что «родился во Франции», то полковник Франсуа Сен-Ипполит, женатый на французке де Поль и имевший сына Георгия, определял свою национальность не иначе, как «королевско-французскую», добавив еще и «католического закона». Он также перечислил полученные на российской службе ордена и не преминул указать, что находится в этой стране «по высочайшему повелению» покойного Павла⁶⁵. Все эти детали совершенно не требовались, но Франсуа Ле Брюн был определенно уязвлен неожиданной проверкой на лояльность. Его брат вел себя несколько по-иному: например, аттестуя своего вышеупомянутого соотечественника П.И. Фурнье, «доносил, что так как ему неизвестно в рассуждении домашнего его, Фурнье, жития, равно и мыслей его, то за него не может принять на себя ответственность...»⁶⁶ Полагаем, что здесь дало себя знать закоренелое недоверие старого эмигранта-роялиста к представителю третьего сословия, да еще и прибывшему из уже наполеоновской Франции.

Заключает наше краткое знакомство со служившими в морском ведомстве иностранными жителями Петербурга скромно состоявший в «канцелярии Главной Контрольной экспедиции при письменных делах» Яков Венцель. Этот письмоводитель «богемской нации», даже не имевший классного чина, судя по всему, выбрал наиболее верную стратегию для иностранца, желавшего добиться успеха в России в наступившем XIX столетии. Мало того, что, приехав в Петербург в 1805 г., он спустя семь лет был «женат на Аппе Никитишне Алексеевой, российской дворянке», имел сына Петра, в 1812 г. за ним и за женой числилось по собственному деревянному дому. Венцель — единственный из всех рассмотренных нами иностранцев еще в 1809 г. подал в губернское правление прошение о вступлении в российское подданство⁶⁷. Заметим, что, несмотря на все перипетии, выпадавшие на долю иностранных подданных в России конца XVIII—начала XIX в., никто из остальных 39 человек не сделал такого шага, даже живя в империи по четверть века. Более того, лекарь А.А. Гиббс и в 1812 г. на прямо сделанное предложение отозвался, что «в вечном подданстве России остаться по домашним обстоятельствам не может»⁶⁸.

Однако процесс перехода иноземцев на русской службе, в данном случае по морскому ведомству, в подданство империи требует специального изучения. Здесь же мы постараемся показать информативные возможности комплекса документов, отложившегося в результате «разбора иностранцев» 1812 г. только в одном ведомстве. Думается, что возможности эти довольно велики и всестороннее изучение указанных источников будет продолжено.

¹ Юхнёва Н.В. Первые итоги изучения этнических аспектов истории Петербурга в Ленинградской части Института этнографии АН СССР // Этнография Петербурга—Ленинграда: Материалы ежегодных научных чтений. Л., 1988. Вып. 2. С. 3.

² Там же. С. 11.

³ Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII—первой четверти XVIII в. М., 1998.

⁴ См.: Там же. С. 17—21.

⁵ Это положение пока кардинально не изменилось, и в нескольких вышедших недавно работах изучение российских архивных документов рассматривается как задача будущего, например: «Информация в печатных источниках весьма отрывочна и случайна. Тщательное исследова-

ние архивов и документов, особенно в Петербурге, могло бы обогатить картину дополнительными сведениями» (*Абель У.* Шведские художники в Санкт-Петербурге // *Шведы на берегах Невы.* Стокгольм, 1998. С. 191).

⁶ См.: *Дальман Д.* Петербургские немцы в XVIII столетии: крестьяне, ремесленники, предприниматели // *Немцы в России: Петербургские немцы.* СПб., 1999. С. 156–163.

⁷ *Amburger E.* Deutsche in Staat, Wirtschaft und Gesellschaft Russlands: Die Familie Amburger in St. Petersburg 1770–1920 (Veröffentlichungen des Osteuropa-Institutes München. Reihe: Geschichte; Bd. 54). Wiesbaden, 1986. S. 11–12.

⁸ *Семенова Л.Н.* Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). СПб., 1998. С. 4. Книга была завершена в начале 1990-х годов.

⁹ См., напр., приведенные выше в примеч. 5 и 6 ссылки на сборники статей, посвященные немцам и ижедам в Петербурге, а также материалы проходящих ежегодно с 1992 г. «Петербургских чтений».

¹⁰ Мы имеем в виду прежде всего делопроизводственные документы по рассматриваемой теме, так как только в сочетании с ними возможно полноценное использование даже самых содержательных источников дипломатического происхождения, мемуаров и других свидетельств современников. Огромное значение последних специально доказывать излишне; см., напр.: *Беспятых Ю.Н.* 1) Петербург Петра I в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. Л., 1991. С. 3–44; 2) Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1997. С. 5–50; 3) Иностранные источники по истории России первой четверти XVIII в.: (Ч. Уитворт, Г. Грудд, Л.Ю. Эренмальм). СПб., 1998.

¹¹ *Захаров В.Н.* Западноевропейские купцы в России: Эпоха Петра I. М., 1996. С. 140.

¹² *Агеева О.Г.* «Величайший и славнейший более всех градов в свете» — град Святого Петра: Петербург в русском общественном сознании начала XVIII века. СПб., 1999. С. 95–109.

¹³ *Анисимов Е.В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 196–201, 205–220.

¹⁴ *Ерофеев Н.А.* Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских 1825–1853 гг. М., 1982. С. 68; *Шрадер Т.А.* Правила проживания иностранцев в Петербурге на рубеже XVIII–XIX веков // *Этнокультурные процессы в Петербурге: (Этнография Петербурга—Ленинграда: Материалы ежегодных научных чтений; Вып. 1).* Л., 1987. С. 46.

¹⁵ См., напр.: *Ржеуцкий В.С., Сомов В.А.* Французы в России в эпоху Просвещения: (Материалы к истории русско-французских связей 1760–1780-х гг. из архива французского посольства в Санкт-Петербурге) // За-

падноевропейская культура в рукописях и книгах Российской Национальной библиотеки. СПб., 2001. С. 285–299.

¹⁶ *Ржеуцкий В.С.* Некоторые особенности интеграции французской аристократии в дворянское общество России конца XVIII—первой половины XIX в. // *Проблемы признания и утверждения в правах российского дворянства высших сословий народов Российской империи и иностранных дворян: Материалы к Третьему научному семинару 5–6 апреля 1997 г.* СПб., 1997. С. 31; *Ростиславлев Д.А., Турилова С.Л.* Француз в России в 1793 году // *Cahiers du monde Russe.* 1998. Vol. 39 (3). Juillet–Septembre. P. 300–317; Француз в русской армии в 1793 году: Из фондов Архива внешней политики Российской империи / Предисл. и публ. П.П. Черкасова // *Россия и Франция XVIII–XX веков.* М., 2000. Вып. 3. С. 116–118.

¹⁷ *Коротков С.Н.* Французские эмигранты в Санкт-Петербурге в конце XVIII века, русская цензура и культура Просвещения // *Петербургские чтения—96: Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург—2003».* СПб., 1996. С. 60.

¹⁸ Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года, собранные и изданные по поручению его императорского высочества великого князя Михаила Александровича / Под ред. К.А. Военского. СПб., 1911. Т. 2: Балтийская окраина в 1812 году (Сборник РИО. Т. 133). С. 543–546; *Колелев Д.Н.* 1812 год: «Заложники» войны и натурализация иностранных офицеров российского флота // 185 лет Отечественной войне 1812 года: Сб. ст. Самара, 1997. С. 123–124.

¹⁹ Журналы Комитета министров: Царствование Александра I: 1802–1826 гг. СПб., 1891. Т. II: 1810–1812 гг. С. 489–490.

²⁰ Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года... СПб., 1912. Т. 3: Белоруссия в 1812 году (Сборник РИО. Т. 139). С. 266–461.

²¹ *Кононов А.А.* К.А. Военский — историк Отечественной войны 1812 года // *Памяти Ю.Д. Марголиса: Письма, документы, научные работы, воспоминания.* СПб., 2000. С. 720, 725.

²² См.: *Прудник Д.А.* Французские мастера — преподаватели Санкт-Петербургской Академии художеств во второй половине XVIII—первой четверти XIX в. (по материалам РГИА) // *Петербургские чтения—96...* С. 114; *Трохачев С.Ю.* Немцы и русские в Академии наук первых лет XIX в. // *Немцы в России...* С. 95–96.

²³ *Колелев Д.Н.*: 1) 1812 год: «Заложники» войны и натурализация иностранных офицеров российского флота. С. 121–122; 2) Офицеры немецкого происхождения на службе в российском флоте (первая половина XIX в.): Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2000. С. 64–66.

²⁴ *Рэгсдейл Х.* Просвещенный абсолютизм и внешняя политика России в 1762–1825 годах // *Отечественная история.* 2001. № 3. С. 24.

²⁵ ГАРФ. Ф. 1165. Об Особенной канцелярии см.: *Севастьянов Ф.Л.* «Высшая полиция» в России в первой четверти XIX в.: Структуры, кадры, основные направления деятельности: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1999; *Карлов В.Ю.* Министерство полиции в правоохранительной системе России (1810–1819 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2000; Высшие и центральные государственные учреждения России 1801–1917. СПб., 2001. Т. 2: Центральные государственные учреждения. С. 21–22; Государственность России: Государственные и церковные учреждения, сословные органы и органы местного самоуправления, единицы административно-территориального, церковного и ведомственного деления (конец XV века—февраль 1917 года): Словарь-справочник. М., 2001. Кн. 3: Л—П. С. 90–91.

²⁶ РГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 222. Л. 1–2.

²⁷ Там же. Ф. 212. Оп. 11. Д. 2935. Л. 1.

²⁸ Там же. Л. 4–5.

²⁹ Там же. Л. 6–6 об.; Ф. 166. Оп. 1. Д. 222. Л. 3.

³⁰ *Копелев Д.Н.* 1812 год: «Заложники» войны и натурализация иностранных офицеров российского флота. С. 121.

³¹ РГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 222.

³² Так как сам морской министр в списки внесен не был, то учитывать его мы здесь не будем. Подробнее о маркизе Иване Ивановиче де Траверсе см.: *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи: главы высших и центральных учреждений 1802–1917: Биобиблиографический справочник. СПб., 2001. С. 674–676; *Du Chatenet M.* L'amiral Jean-Baptiste de Traversay. Paris, 1996.

³³ РГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 222. Л. 53 об.—55.

³⁴ Подробнее об этом см.: *Каллистов Н.Д.* Русский флот и Двенадцатый год: (Роль и участие флота в Отечественной войне в связи с циклом наполеоновских войн России). По архивным материалам. СПб., 1912. С. 36–42; *Орлов А.А.* Английские моряки на русском флоте в Отечественную войну 1812 г. // Новая и новейшая история. 1997. № 2. С. 192; *Копелев Д.Н.* 1812 год: «Заложники» войны и натурализация иностранных офицеров российского флота. С. 124–128.

³⁵ *Каллистов Н.Д.* Русский флот и Двенадцатый год. С. 40. О Джордже (Егоре Егоровиче) Тэйте (Тете) см.: Общий морской список. СПб., 1890. Ч. V. С. 183–186; *Дойков Ю.В.* «В предписанный путь отправился...»: (Архивные материалы об адмирале Е.Е. Тете) // США: Экономика. Политика. Идеология. 1993. № 11. С. 95–101; *Holden C.* Serving Tsar and King: George Tate, Admiral in the Russian Imperial Navy // The American Neptune: Quarterly Journal of Maritime History. 1991. Winter.

³⁶ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 7. Д. 732. Л. 120–120 об.

³⁷ Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года... СПб., 1912. Т. 3. С. 294–295.

³⁸ РГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 222. Л. 13 об.

³⁹ Там же. Л. 12.

⁴⁰ Там же. Л. 14. О ремесленных цеховых управах городов см.: Государственность России. М., 2001. Кн. 4: Р—Я. С. 31–32. П.И. Фурнье пребывал в России с 1804 г., был женат и имел дочь Луизу.

⁴¹ РГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 222. Л. 12 об.; Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года... СПб., 1912. Т. 3. С. 364–365. Д'Юэс с женой и сестрой «девицей Иосифой» в 1802 г. обосновался в Петербурге, где спустя три года у него родился сын Людвиг. Но к 1812 г. состоявший в чине коллежского секретаря учитель был уже вдовцом.

⁴² Подробнее об И. Кобри см.: *Козюренко К.Л.* Петербург и Морской шляхетный кадетский корпус в первой четверти XIX в.: (По воспоминаниям его выпускников) // Феномен Петербурга: Труды Второй Международной конференции, состоявшейся 27–30 ноября 2000 года во Всероссийском музее А.С. Пушкина. СПб., 2001. С. 533–534.

⁴³ РГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 222. Л. 12 об.—13.

⁴⁴ Там же. Руммель прибыл в Россию в 1793 г.

⁴⁵ Там же. Л. 55 об. И. Стрензель находился на русской службе с 1787 г.

⁴⁶ Там же. Л. 22 об.—23.

⁴⁷ Там же. Л. 29 об.—30, 56.

⁴⁸ Там же. Л. 20 об.—21.

⁴⁹ Там же. Л. 12. Я. Лейтон был женат на своей соотечественнице, его сыновья Яков и Фридрих находились в Англии.

⁵⁰ См.: Государственность России... М., 2001. Кн. 3: Л—П. С. 51.

⁵¹ *Наханетов Б.А.* Лейб-медики российских императоров // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 103.

⁵² РГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 222. Л. 49 об.—50. К. Карлони был женат, в 1812 г. имел четырехлетнего сына и двухлетнюю дочь.

⁵³ *Кросс Э.* Петербург глазами британцев: На пути к новой книге об этом городе // Феномен Петербурга... СПб., 2001. С. 232.

⁵⁴ РГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 222. Л. 58.

⁵⁵ Там же. Л. 50 об.—51. Ирвин жил в России с 1784 г., имел жену и двух дочерей и в 1812 г. состоял в чине гиттенфервальтера. Этот чин X класса по Табели о рангах принадлежал к особой линии гражданских чинов, введенных во второй половине XVIII в. для служащих горного ведомства. При этом они были приравнены «по сходству математических наук противу артиллерийских и инженерских чинов» военных, то есть горные чиновники имели перед прочими преимущество в один класс. Очевидно, гражданские специалисты — инженеры морского ведомства — производились в чины по этой же линии, чтобы доставить им большие выгоды и преимущества по сравнению с обычными чиновниками. См.:

Шепелев Л.Е. Чиновный мир России: XVIII—начало XX в. СПб., 1999. С. 156.

⁵⁰РГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 222. Л. 57 об. Петр Варден был женат и имел дочь.

⁵¹Там же. Л. 48. Макли состоял в чине обер-гиттенфервальтера VIII класса (см. примеч. 55). На 1812 г. супруги Макли были бездетны, не имели они и недвижимости.

⁵²Насколько нам известно, в отечественной историографии изучение деятельности британских специалистов на российских заводах во второй половине XVIII—первой половине XIX в. находится пока в стадии постановки проблемы. См.: Волохова В.В. Английские металлурги в России в последней трети XVIII—первой трети XIX в.: Жизнь и карьера // Политические институты и социальные страты России (XVII—XVIII вв.): Тезисы международной конференции 2–3 октября 1998 г. М., 1998. С. 32–35.

⁵³РГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 222. Л. 48 об.—49.

⁵⁴Там же. Л. 47 об.—48.

⁵⁵См.: Государственность России... М., 1999. Кн. 2: Д—К. С. 131–132.

⁵⁶РГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 222. Л. 47.

⁵⁷Там же. Л. 11 об.

⁵⁸См.: Там же. Ф. 198. Оп. 1. Д. 74. Л. 2–4 об.; Ф. 227. Оп. 1. Д. 69. Л. 52–54; Д. 70. Л. 221.

⁵⁹Там же. Ф. 166. Оп. 1. Д. 222. Л. 7 об., 46 об.

⁶⁰Там же. Л. 14.

⁶¹Там же. Л. 8.

⁶²Там же. Л. 43 об.